

Глава 4

Ялта: финал

Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте. Я знал, что американцы намерены поднять перед русскими вопрос об их участии в войне на Тихом океане. Мы затронули этот вопрос в общих чертах в Тегеране, и в декабре 1944 года Сталин сделал Гарриману в Москве некоторые конкретные предложения относительно послевоенных претензий России в этом районе. Американские военные власти определили, что для разгрома Японии потребуется полтора года после капитуляции Германии. Помощь русских сократила бы тяжелые потери американцев. Вторжение в собственно Японию в то время было еще в стадии планирования, и генерал Макартур вступил в Манилу лишь на второй день работы Ялтинской конференции. Первый экспериментальный взрыв атомной бомбы предстоял лишь через пять месяцев. Большая японская армия в Маньчжурии могла бы быть брошена на защиту самой Японии, если бы Россия все еще оставалась нейтральной.

Учитывая все это, президент Рузвельт и Гарриман обсудили со Сталиным 8 февраля вопрос о территориальных требованиях России на Дальнем Востоке. Россия согласилась вступить в войну против Японии через два или три месяца после капитуляции Германии.

В тот же день в ходе конфиденциальной беседы со Сталиным я спросил его, чего русские хотят на Дальнем Востоке. Он ответил, что они хотят получить военно-морскую базу, такую, например, как Порт-Артур. Американцы предпочли бы, чтобы порты находились под международным контролем, однако русские хотели бы, чтобы их интересы были гарантированы. Я ответил, что мы будем приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане и высказываемся за то, чтобы потери, понесенные Россией во время русско-японской войны, были восполнены. На другой день, 11 февраля, мне показали соглашение, которое было составлено накануне президентом и Сталиным, и я подписал его от имени английского правительства. Этот документ оставался секретным, пока не кончились переговоры между Советским Союзом и националистическим китайским правительством, которое Сталин в самой решительной форме согласился поддерживать. В таком состоянии этот вопрос оставался почти до того момента, когда мы снова встретились в Потсдаме.

Фиксация мною хода переговоров сохранилась в виде следующей выдержки из телеграммы, которую я направил премьер-министрам доминионов 5 июля.

*Премьер-министр — премьер-министрам доминионов**5 июля 1945 года*

1. Под самым строгим секретом Сталин уведомил Рузвельта и меня на Крымской конференции о готовности Советского Союза вступить в войну против Японии через два или три месяца после капитуляции Германии на нижеследующих условиях:

а) Сохранение статус-кво Внешней Монголии.

б) Восстановление прав русских, утраченных в 1904 году, а именно:

(i) Возвращение Южного Сахалина и прилегающих к нему островов.

(ii) Интернационализация торгового порта Дайрен при гарантировании преобладающих интересов СССР, возобновление использования на арендной основе Порт-Артура в качестве советской военно-морской базы.

(iii) Совместная эксплуатация советско-китайской компанией Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, обеспечивающих выход к Дайрену, при условии, что преобладающие интересы СССР будут гарантированы и что Китай сохранит полностью суверенитет над Маньчжурией.

в) СССР получает Курильские острова.

2. Эти условия были изложены в личном соглашении между Рузвельтом, Сталиным и мной. Соглашение признает, что потребуются согласие Чан Кайши на эти условия, и по совету Сталина Рузвельт взялся добиться этого согласия. Мы все трое договорились добиваться того, чтобы советские требования были удовлетворены безоговорочно после разгрома Японии. В соглашении не содержалось больше ничего, за исключением выражения русскими готовности вступить в договор о союзе с Китаем с целью помочь последнему сбросить японское иго.

Моя очередь была председательствовать на нашем последнем обеде 10 февраля. За несколько часов до того, как Сталин должен был приехать, в Воронцовский дворец прибыл взвод русских солдат. Они заперли двери по обе стороны приемных залов, в которых должен был проходить обед. Была расставлена охрана, и никому не разрешалось входить. Затем они обыскали все — смотрели под столами, простукивали стены. Моим служащим приходилось выходить из здания, чтобы попасть из служебных помещений в комнаты, где они жили. Когда все было в порядке, маршал прибыл в самом приветливом настроении, а немножко позже прибыл президент.

Во время обеда в Юсуповском дворце Сталин провозгласил тост за здоровье короля в такой форме, что, хотя он и предполагал, что тост получится дружественным и почтительным, мне он не понравился. Сталин сказал, что в общем и целом всегда был против королей и держит

сторону народа, а не какого бы то ни было короля, но что в этой войне он научился уважать и ценить английский народ, который уважает и чтит своего короля, и поэтому он хотел бы провозгласить тост за здоровье английского короля. Я не был удовлетворен такой формулировкой и попросил Молотова разъяснить, что этих тонкостей Сталина можно было бы избежать и предлагать в дальнейшем тост за здоровье «глав трех государств». Поскольку на это было дано согласие, я тут же ввел в практику новую формулу:

«Я провозглашаю тост за здоровье Его Королевского Величества, президента Соединенных Штатов и президента СССР Калинина — трех глав трех государств».

На это президент, у которого был очень усталый вид, ответил:

«Тост премьер-министра навевает много воспоминаний. В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова история признания нами России».

Теперь я должен был провозгласить тост за здоровье маршала Сталина. Я сказал:

«Я пил за это несколько раз. На этот раз я пью с более теплым чувством, чем во время предыдущих встреч, не потому, что он стал одерживать больше побед, а потому, что благодаря великим победам и славе русского оружия он сейчас настроен более доброжелательно, нежели в те суровые времена, через которые мы прошли. Я считаю, что, какие бы разногласия ни возникали по тем или иным вопросам, в Англии он имеет доброго друга. Я надеюсь, что в будущем Россию ожидают светлая счастливая жизнь и процветание. Я сделаю все, чтобы этому помочь, и уверен, что то же самое сделает президент. Было время, когда маршал относился к нам не столь благожелательно, и я вспоминаю, что и сам кое-когда отзывался о нем грубо, но наши общие опасности и общая лояльность изгладили все это. Пламя войны выжгло все недоразумения прошлого. Мы чувствуем, что имеем в его лице друга, которому можем доверять, и я надеюсь, что он по-прежнему будет питать точно такие же чувства в отношении нас. Желая ему долго жить и увидеть свою любимую Россию не только покрытой славой в войне, но и счастливой в дни мира».

Сталин ответил в самом наилучшем настроении, и у меня создалось впечатление, что он счел формулу «главы государств» вполне подходящей для встреч нашей «тройки». У меня нет записи того, что именно он сказал. Вместе с переводчиками нас было не более десяти человек, и по исполнении формальностей мы беседовали по двое и по трою. Я упомянул,

что после поражения Гитлера в Соединенном Королевстве будут проведены всеобщие выборы. Сталин высказал мнение, что моя позиция прочна, «поскольку люди поймут, что им необходим руководитель, а кто может быть лучшим руководителем, чем тот, кто одержал победу?» Я объяснил, что в Англии две партии и что я принадлежу лишь к одной из них. «Когда одна партия — это гораздо лучше», — сказал Сталин с глубокой убежденностью. Затем я поблагодарил его за гостеприимство, оказанное им английской парламентской делегации, посетившей недавно Россию. Сталин ответил, что проявить гостеприимство было его долгом и что ему нравятся молодые воины вроде лорда Ловата. В последние годы у него появился новый интерес в жизни — интерес к военным делам; фактически этот интерес стал у него почти единственным.

После этого президент заговорил об английской конституции. Он сказал, что я всегда твержу о том, что конституция позволяет и чего не позволяет, но что фактически нет никакой конституции, однако неписаная конституция лучше писаной. Она подобна Атлантической хартии: документа не существует, однако весь мир знает о нем. В своих бумагах он нашел единственный экземпляр, на котором стояли его и моя подписи, однако, как это ни странно, обе подписи были сделаны его собственным почерком. Я ответил, что Атлантическая хартия — это не закон, а путеводная звезда.

Далее в разговоре Сталин упомянул о «непомерной дисциплине в кайзеровской Германии» и рассказал случай, который произошел с ним, когда он, будучи молодым человеком, находился в Лейпциге. Он приехал вместе с 200 немецкими коммунистами на международную конференцию. Поезд прибыл на станцию точно по расписанию, однако не было контролера, который должен был отобрать у пассажиров билеты. Поэтому все немецкие коммунисты послушно прождали два часа, прежде чем сошли с платформы. Из-за этого они не попали на заседание, ради которого приехали издалека.

В таких непринужденных разговорах вечер прошел приятно. Когда маршал собрался уходить, многие представители английской делегации собрались в вестибюле дворца, и я воскликнул: «Трижды “ура!” маршалу Сталину!» Троекратное приветствие прозвучало тепло.

* * *

Во время нашего пребывания в Ялте был другой случай, когда не все прошло так гладко. Рузвельт, который давал завтрак, сказал, что он и я в секретных телеграммах всегда называем Сталина «Дядя Джо». Я предложил, чтобы он сказал Сталину об этом в конфиденциальном разговоре, но он пошутил на этот счет при всех. Создалось напряженное положение. Сталин обиделся. «Когда я могу оставить этот стол?» — спросил он возмущенно. Бирнс спас положение удачным замечанием. «В конце

концов, — сказал он, — ведь вы употребляете выражение “Дядя Сэм”, так почему же “Дядя Джо” звучит так уж обидно?» После этого маршал успокоился, и Молотов позднее уверял меня, что он понял шутку. Он уже знал, что за границей многие называют его «Дядя Джо», и понял, что прозвище было дано ему дружески, в знак симпатии.

* * *

Следующий день, воскресенье 11 февраля, был последним днем нашего пребывания в Крыму. Президент торопился на родину и хотел по дороге заехать в Египет, чтобы обсудить дела Среднего Востока с властелинами этих стран. Сталин и я позавтракали с ним в бывшей бильярдной царя в Ливадийском дворце. За завтраком мы подписали заключительные документы и официальные коммюнике. Теперь все зависело от духа, в котором они будут проводиться в жизнь.

В тот же день Сара* и я выехали в Севастополь.

Мне захотелось посмотреть поле битвы у Балаклавы**. Днем 13 февраля я побывал там вместе с начальниками штабов и русским адмиралом, командующим Черноморским флотом. Оглядывая местность, можно было представить себе ситуацию, с которой столкнулся лорд Реглан около 90 лет назад. Мы посетили его могилу утром и были очень поражены заботливостью и вниманием, с которыми за ней ухаживали русские.

Утром 14 февраля мы выехали автомобилем в Саки, где нас ожидал наш самолет. На аэродроме был выстроен величественный почетный караул из войск НКВД. Я произвел им смотр в своей обычной манере, заглядывая каждому солдату в глаза. Мы долетели до Афин без всяких приключений. 15 февраля мы вылетели на моем самолете в Египет. В Александрии я сел на английский военный корабль «Орора». Я не принимал участия в переговорах президента с теми властелинами стран Среднего Востока, которые были приглашены для встречи с ним — королем Фаруком, Хайле Селассие и Ибн-Саудом. Однако после отъезда наших американских друзей я договорился о встрече с Ибн-Саудом.

Король Ибн-Сауд произвел сильное впечатление. Я был глубоко восхищен его неизменной верностью нам. Он всегда проявлял себя наилучшим образом в самые мрачные часы.

Мы вернулись в Каир. Я пробыл несколько дней на вилле Кэзи и вел беседы с королем Фаруком и президентом Сирии, в ходе которых мы обсуждали недавние затруднения на Среднем Востоке.

19 февраля я прилетел в Англию.

* Дочь Черчилля. — *Прим. ред.*

** Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг. — *Прим. ред.*

* * *

27 февраля я предложил палате общин одобрить результаты Крымской конференции.

Вопрос о Польше беспокоил палату. Я сказал:

«Маршал Сталин и Советский Союз дали самые торжественные заверения в том, что суверенная независимость Польши будет сохраняться, и к этому решению теперь присоединились Великобритания и США».

Я считал себя обязанным провозгласить свою веру в добросовестность Советов, надеясь обеспечить ее. К этому меня поощрило поведение Сталина в отношении Греции. Я сказал:

«Впечатление, сложившееся у меня после поездки в Крым и после всех других встреч, таково, что маршал Сталин и советские лидеры желают жить в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями. Я считаю также, что они — хозяева своего слова. Мне не известно ни одно правительство, которое выполняло бы свои обязательства, даже в ущерб самому себе, более точно, нежели русское советское правительство. Я категорически отказываюсь пускаться здесь в дискуссии относительно добросовестности русских. Совершенно очевидно, что эти вопросы касаются всей будущности земного шара. Действительно, судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и русским Советским Союзом...»

* * *

Общая реакция палаты выразилась в безоговорочной поддержке той позиции, которую мы заняли на Крымской конференции. В ходе голосования на другой день мы получили подавляющее большинство, однако 25 членов палаты — по большей части консерваторы — голосовали против правительства, а кроме того, 11 членов правительства воздержались от голосования.

Тем, на кого возложена обязанность справляться с положением в дни войны или кризиса, не дозволено ограничиваться исключительно заявлениями об общих принципах, с которыми соглашаются хорошие люди. Им приходится изо дня в день принимать определенные решения. Им приходится занимать позиции, которые затем надо упорно отстаивать, ибо как же иначе можно сохранить те или иные союзы, необходимые для действий? После того как немцы разбиты, легко осуждать тех, кто всеми силами старался поощрить военные усилия русских и сохранять дружеский контакт с нашим великим союзником, который так ужасно пострадал. Что случилось бы, если бы мы поссорились с Россией в то время, когда немцы все еще имели 300—400 дивизий на полях сражений? Наши надежды вскоре нас обманули, но все же в то время у нас не могло быть иных надежд.